

Т а м а р а
ЖИРМУНСКАЯ

ЗАБОТА

Т а м а р а
ЖИРМУНСКАЯ
З А Б О Т А

ТАМАРА ЖИРМУНСКАЯ

З а б о т а

ВТОРАЯ КНИГА
(Лирические стихи)

**СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1968**

Вторая книга Тамары Жирмунской привлекает прежде всего умным и требовательным участием к человеку. Это — стихи о живучести корней, соединяющих людей нового поколения с поколением «родителей», стихи о неизбывной вере в высокие идеалы времени. Значительна в книге и тема ответственности перед людьми. Любовная лирика Тамары Жирмунской тонка и точна.

Художник О. Я. Рабин

1

ГЛАЗА

Отца смотрел известный окулист,
беседовал внушительно и кратко.

Осмотр окончился.

Опросный лист

поежился при слове «катаракта».

Ну вот и все!

Сверхсильные очки

и те слабы, как заговоры бабьи.

Я буду капать в папины зрачки

по две каких-то водянистых капли

и чуда ждать.

Я мучаю отца:

— Ты видишь стол? А стул? А то? А это? —

И он мне повторяет без конца,

что смутно видит контуры предмета.

И я не знаю, что ему сказать,

куда бежать с глазастостью своею.

Он говорит мне:

— Ты мои глаза,

пока я от лекарства не прозрею.—

А в дверь стучат подруги:

— Отвори!

Ты не одна? А с кем? Небось не сглазим! —

И я шучу с отцом:

— Глаза твои

немного погуляют, ты согласен?..—

Я выбегаю на слепящий свет

и пропадаю на свету с друзьями.

Бездельничаю, думаете? Нет!

Я спорю, я работаю глазами.

Не жмуриться, не щуриться со зла,

своей бесцельной жалобы не выдать:

ведь я — глаза, отцовские глаза,

расставленные так, чтоб в с е увидеть.

★ ★ ★

Вот семейный наш альбом.
Дед с кокардой машиниста,
рядом бабушка Анисья
и детишки всем гнездом.

Вот мои отец и мать,
оба юные на диво,
тонут в недрах коллектива,
в группе их и не видать.

Это я с большим мячом.
Я за партой. Я на пляже.
В загсе тоже я — пора же!
Я в обнимку с малышом.

А теперь малыш один.
Мыслит. Хмурится. Хохочет.
Плачет. Кашу есть не хочет.
Пляшет — в яслях карантин.

Он на стуле. Он в тазу.
Он в прогулочной коляске.
На стене его «каляки».
А! Художнический зуд!

Предки блекнут? Может быть:
их позиция статична,
их удобно со штатива
долгой выдержкой морить.

То ли дело блиц включать,
схватывать не вехи — вешки,
оставляя вечной спешки
и любительства печать.

И теряя день за днем,
и трезвея год от года,
в свете нового подхода
пересматривать альбом.

★ ★ ★

Я все еще в птенцах неоперенных,
в желтухиных.
Хочу, а не лечу.
Я все еще из вороха пеленок
ребяческое что-то лопочу.
И все еще кормилица над зыбкой:
— Наелась? Нагулялась? И добро! —
И все еще младенческой присыпкой
скрипит мое певучее перо.
Я все еще под крылышком,
в начале,
в намеке.
До которого же дня!
Не слишком ли меня запеленали?
Не слишком ли занячили меня?

ЗИМНИЙ ДОМ ОТДЫХА

Зимний дом отдыха, снег да катки.
Нет молодежи, одни старики.

Поговорят, покряхтят, посидят,
книгу возьмут, а на стенку глядят...

Взрослая школа продленного дня!
Ты научи прилежанью меня,

спрячь от меня надувные мячи,
головоломки решать научи,

строго внуши, что безделье — позор,
с третьего блюда начать не позволяй.

Только бы вечером, после шести,
стали дежурные классы мести,

только б кричали они вразнобой:
— Что же ты киснешь? Пришли за тобой...

**А старики за столами сидят,
без аппетита, как дети, едят,**

**страстно, как дети, играют в лото.
Но не приходит за ними никто.**

ПРОФЕССОР НА ПЕНСИИ

На пенсии профессор, на диване,
с новинками поэзии и прозы.
А мы ему вопросы задавали,
все каверзные, глупые вопросы.
Нам чудилась профессорская слабость,
и мы стреляли Кантом или ссылкой,
и губы наши обжигала сладость
мгновенной власти слабого над сильным.

Так, значит, вы надеялись, профессор,
что мы на мир посмотрим по-другому?
Что наше недоверие — привесок
к чему-то беззащитно-молодому?
Профессор, объясните мне, откуда
надежда ваша, мудрость и терпимость?
Так, значит, вы надеялись на чудо,
которое отнюдь не торопилось...

А ваше состояние, профессор,
врачам еще внушает подозренье,
еще скрывают марлевым компрессом
ваш умный лоб, горячий от прозренья.

Я думала, что просто повидеюсь,
а вот сижу и слушаю, немея.
Уход Толстого. МХАТ. Гаудеамус.
На съезде Ленин. Ленин в Мавзолее.

Профессор, я и вправду повзрослела,
ведь я почти не задаю вопросов.
Ах, загонять в тупик пустое дело,
достойное одних молокососов.

Я никого в тупик не загоняю.
Стою, как пешеход на переходе.
И, знаете, я летом загораю,
я все добрее к людям и природе.

И рано мне переходить на прозу,
и я еще, наверно, поумнею.
Профессор! Задавайте мне вопросы,
и я на них отвечу, как сумею.

* * *

В двадцатом веке нужно быть мужчиной:
служить идее, состоять при деле.
Вы знаете, что вышивкой машинной
заменено девичье рукоделье?

Любимому я плакаться не стану:
и без меня донять его успели.
Скажу ему в дрожащую мембрану,
что забегу на будущей неделе.

И только ремесло — моя опора.
Хочу познать я все его глубины,
хочу я получить права шофера,
ну да, шофера собственной судьбины.

Мне говорят:

— Зачем тебе соваться? —

Я говорю:

— Какое ваше дело?.. —

Дай бог мне быть мужчиной, не сорваться,
не выдать, как мне это надоело.

* * *

Сети кругом развешаны,
хочется их потрогать.
Руки у каждой женщины
обнажены по локоть.

Ходят шагами крупными,
перекликаясь громко,
водят руками круглыми
розовыми, как семга.

Синяя, белая, красная
бьется в сетях добыча.
И красота их разная,
женская и девичья,

правильная и пряничная,
служит делу подспорьем.
И вся городская прачечная
пахнет соленым морем.

КРАСОТА

Мне не досталось красоты.
Я выбилась из некрасивых.
Неправильны твои черты,
мой старый отроческий снимок.
Как я гналась за красотой,
как я за хвост ее ловила.
Мне хором говорили: стой!
А я взяла и полюбила.
То безошибочный покой,
а то ошибка за ошибкой.
Не заслоняться же рукой,
и заслоняешься улыбкой.
И я не ведаю, когда
моя былая некрасивость
не испарилась без следа,
но красотой притворилась.
Жизнь, говорят, полна потерь,
а сколько в ней приобретений!
Хочу я выбиться теперь
из неумелости и лени.
И кто бы что бы ни просил,
прошу поднять меня высоко
над ограниченностью сил
и ограниченностью срока.

БАЛЛАДА ОБ ОДНОЙ КОМНАТЕ

Всё в одной комнатке, всё в одной комнатке:
шашка на стенке и детские коврики.
Кончил училище — въехали вскорости
в дом, где не в комнатке жаться, а в комнате.
Комната светлая, комната длинная,
бывшая бальная или гостиная...
Муж на войне, ребяташки простужены.
Топишь «буржуйку», чтоб чаем поужинать.
«Мне бы свиданьица. Им бы здоровьица!»
Горькая сводка от спички коробится.
Ясно от зарева, мрачно от копоти.
Всё в одной комнате, всё в одной комнате...
Капитуляция! Суп из говядины!
Блиских друзей напоили, спровадили.
«Папа!» И пляски ребячьи, дикарские.
«Папа, еще одну сказку!» До сказки ли?
Глупый, желанный, родной, нерешительный.
«Спать, полуночники, спать, нарушители».
Шепчешь в жару, а командуешь в холоде.
Всё в одной комнате, всё в одной комнате...
Стали юннатами, дом затоварили
птицами, рыбами, всякими тварями.
Муж говорит: «Птицы — самое лучшее.
Я молодею, когда их послушаю».

Должность оседлая, да беспокойная.
После дежурства соснуть бы. Какое там!
Разве уснешь в этом щебете, гомоне?
Всё в одной комнате, всё в одной комнате...
К дочке подружки, а к сыну товарищи.
Кофе какое-то черное варишь им.
«Что ж вы родителей из дому гоните?»
Всё в одной комнате, всё в одной комнате...
Дали кому-то папаху. Два вечера
мужу пеняла: «Квартиру бы! Четверо!»
Взгляд ухватила и больше не спорила.
Бог с ней, с квартирой, с папахой тем более.
Что-то он стал невеселый, замотанный.
Не заболел ли моими заботами?..
Сын защищает диплом своевременный.
К дочери ходит жених неуверенный.
«Вы мне парадную скатерть не комкайте!»
Всё в одной комнате, всё в одной комнате...
Вышла — уехала. Кончил — направили.
Сам-то сгорел на работе, как в пламени.
Ходишь и планки считаешь на кителе.
«Милые, вот вы меня и покинули.
Тварей не держите, свет экономите.
Всё одна в комнате, всё одна в комнате».

ДРУЗЬЯ ОТЦА

Друзья отца, прощайте навсегда.
Супруги ваши руки вам сложили,
теперь уж им на вас не наседать
за то, что вы оторваны от жизни.
От э т о й жизни, связанной с Москвой,
где есть свои удобства и устои,
а не от той, абстрактной, мозговой,
с идеями о жизненном устройстве.
Погашен счет, кто от кого терпел.
Перед земными вы не виноваты.
А вы оторваны как раз теперь,
упразднены, сокращены по штату.
Друзья отца, вопрос о вас решен,
как никогда, без всяких проволочек.
Вы были слишком тяжелы для жен
и слишком уж взыскательны для дочек.
Остаться незамеченным не мог
никто из вас, и, точно на копирке,
в прихожей отпечатки крупных ног
и оттиск торса на диванной спинке.
Последняя земная суета.
Вас добрым словом сухо помянули.
Друзья отца, прощайте навсегда.
Друзья отца, я в вашем карауле.

АВТОМОБИЛЬНЫЙ СПОРТ

Автомобильный спорт хорош
для слабосильных силачей.
Когда ты в руки руль берешь,
земля твоя, а ты ничей.
Ты можешь взять бензину впрок,
«поддай!» кричать, «еще поддай!».
Как жмут рукою на курок,
так жать ногою на педаль.
Ты можешь бешеную прыть
родить движением одним,
хоть день, хоть час, хоть миг побыть
не пассажиром — рулевым...
Но и владельцу автоправ
забвенья ставится в укор,
тебя хватает за рукав
дорожных знаков частокोल:
НЕ ОБГОНЯЙ,
СБАВЬ СКОРОСТЬ,
СТОЙ,
как будто ты на всем ходу
столкнешь с орбиты шар земной,
собьешь Полярную звезду.
Но у тебя свои дела —
и некогда озорничать.

Ведь жизнь твоя заведѣна
скупым ключом на краткий час.
Как у тебя горит лицо,
когда ты видишь путь впотьмах,
само Сатурново кольцо,
а не баранку
сжав в руках.

МЕЖДУГОРОДНАЯ

Междугородная! Алло!
Соедините нас друг с другом:
с внезапным холодом тепло,
почти что Север с ближним Югом,
соедините с тенью свет,
соедините шепот с громом,
с его вопросом мой ответ,
все малое со всем огромным.

Междугородная! Прошу
соединить затишье с ветром,
с парашютистом парашют,
день с вечером, письмо с конвертом,
соединить с иглою нить,
двадцатый век с двадцатым веком,
грусть с радостью соединить
и человека с человеком.

РАННИЕ СТРОКИ

Я наказать тебя хочу
умно и строго — не иначе.
Все чаще мне не по плечу
самой решать твои задачи.
Я снова сделаю не так,
а ты не будешь терпеливым.
И каждый мой неверный шаг
грозит немедленным разрывом.
То плохо «да», то плохо «нет».
Вот я пошлю тебе в конверте
не мой теперешний портрет,
а лет на двадцать ближе к смерти.
Той, умудренной, как никто,
тебя отныне поручаю.
Пусть она продолжит то,
что я беспомощно кончаю,
пусть она пройдет по льду,
где тонко-тонко, скользко-скользко.
Я глупо трушу, не иду:
ведь я не мудрая нисколько.
Ты будешь больше предан той,
усталой женщине, за сорок.

Ее

слезами залитой

ты не увидишь.

С детских горок

ты с ней не съедешь.

Голыша

ты ей на праздники не купишь.

Тебе такая хороша?

Ну хоть такую ты полюбишь?

НЕРАЗДЕЛЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Неразделенная любовь
стоит, продрогшая, в подъезде,
неразделенная любовь
на буферах и крышах ездит,
молчит, воды набравши в рот,
когда над ней смеется кто-то,
билеты на двоих берет
неразделенная забота.

Любовь враждебна дележу,
но, лишь на улицу я выйду,
я в чьих-то лицах разгляжу
неразделенную обиду,
не разделенную ни с кем,
упрямо, замкнуто, ревниво,
висящую на волоске
и не хотящую разрыва.
Уж лучше с ходу бить отбой,
уж легче сразу:
или — или.

Неразделенная любовь!
Делили, да не разделили.

★ ★ ★

Ты теперь — как выход,
я — как вход.
Заземление ты,
а я антенна.
Все у нас теперь наоборот:
два тоннеля метрополитена.
Но не может быть, что все ушло,
что-нибудь, наверное, осталось.
Не используй это мне во зло,
человек, с которым я рассталась.
Все, что я писала, изорви,
припиши недолгому пожару,
все, что говорила о любви,
отнеси к какому-нибудь жанру.
Все, что я дарила, в мусор брось,
но спаси пустяк, безделку, малость,
выполни последнюю из просьб,
человек, с которым я рассталась,
потому что тяжело уйти,
не оставив ни вещей, ни строчек.
И ручей уходит из горсти,
забывая желтенький песочек.

Голову смотри не расшиби,
но не прячь и под крыло, как страус.
Хорошо, но без меня живи,
человек, с которым я рассталась.

РУСАЛКА У МИСХОРА

Боролась с морем, устала,
грудью кормит сыночка...
Да разве это русалка?
Это мать-одиночка!

Ей незачем быть красивой.
Теперь не имеет значенья
хвост — трагический символ
женского отреченья.

Висит он пудовой гирей.
Русалка с младенцем, скажи мне:
ты стала морской богиней
не от хорошей жизни?

ЖЕНЩИНА В КОСМОСЕ

1

Женщина в космосе!
Поздно.
Нельзя на попятный.
Женщина в комнате —
это гораздо понятней,
это воспето, воспитано.
Как же иначе?
Ест она, спит она,
будущих летчиков нянчит...
Женщина — фея.
Но с облака
в яму бросали.
У Рафаэля
по небу ступала босая.
Не удержалась
на троне,
осталась на стуле.
Экая жалость,
у них
приземленность в натуре.
Женщина — неженка:
клавиши, сласти, колечки.

Женщина — беженка,
страшная,
около печки.
Женщина — летчица:
крылья, приборы, моторы.
Женщине хочется
в космос.
Превыше мадонны!

2

Я в космосе.
Земля уже мала
для всех моих вопросов и догадок.
Земные я оставила дела,
я привожу небесные в порядок.

Я радиосигналы подаю,
я действую по заданной программе,
я в этом герметическом раю
не стучаюсь торчащими углами.

Тепло мне от холодного огня,
светло мне от искусственного света,
но где-то пропадает без меня
моя незащищенная планета.

Еще не все свершилось и сбылось,
о чем гадали, думали и пели.
Я ощущаю, что земная ось
меня, как птицу, держит на прицеле.

Мой шар земной в белесой полумгле,
он медленно выходит из пеленок,
и у меня на маленькой земле
есть Родина.
И есть еще ребенок.

3

В момент отрыва от земли
напомни мне о самом малом:
что потянуло от зимы
арбузной корочкой и мартом,
что на мороженое спрос,
что смельчаки, идя со службы,
жуют спрессованный мороз
и серебро бросают в лужи.
В момент отрыва от семьи,
уже на стартовой площадке,
припомни мне долги мои:
карманы рваные, перчатки,
которые ползут по шву:
— Ты мало думаешь о муже! —
Зачем мне в космос? Проживу
и на земле ничуть не хуже.
В момент отрыва от любви
верни меня к земному быту
и за руки меня лови,
пока не вышла на орбиту.
— Жена моя, земля моя! —
Потребуй громко постоянства,
попробуй удержать меня
на грани дома и пространства.

★ ★ ★

Семья — это дело вязальщиц,
а я не умею вязать.
Опять этот желтый вокзальчик,
рюкзак за плечами опять.

Попутчица скажет о муже:
— Любить я его не люблю,
и все-таки надо потуже
затягивать эту петлю.

Какие нескладные спицы
в моих неуклюжих руках!
Мне нечем с тобой поделиться,
рюкзак мой ветрами пропах.

Но черствый сухарь расстояний
я честно делю на двоих,
хозяйка своих расписаний
и враг рукоделий своих.

ГОСТИНИЦА

Гостим в гостинице с тобой,
живем впервые общим домом.
Нам этот номер голубой
при солнце кажется медовым.
Но быт гостиницы суров,
ей вовсе не до этикета
за длинной описью ковров,
за долгой чисткою паркета.
Дежурная по этажу
меня встречает строгим взглядом,
когда я мимо прохожу
одна или с тобою рядом.
И что-то щеки мне печет,
когда я подхожу к окошку
и мне выписывают счет
на стол, на стулья, на дорожку,
на палисадник под окном,
на снег, который галки месят.
И так неспешно, день за днем,
проходит наш медовый месяц.

ДОМ

П. С.

Дом как дом.
Мы слишком затвердели,
чтобы неудобства брать в расчет.
Ладно уж и то, что две недели
надо мной не каплет, не течет.
Что мои семейные заботы!
Что мои домашние дела!
Жду с работы.
Никого с работы
я вот так протяжно не ждала.
Мы смеемся, думаем, читаем,
скуку не пускаем на порог,
мы друг друга приобщаем к тайнам,
накопившимся за долгий срок.
Вечно спотыкаюсь о ботинок,
рантовый, уверенный, мужской.
И совсем не слышу, как будильник
утром гаснет под твоей рукой.
Счастлива...
А я и раньше знала,
что любить иначе не смогу.
Суть любви, почти как суть привала,
в том, чтоб отдышаться на бегу.

ПОКОЙ

Я говорила:

— Вот покой! —

и умилялась понемножку.

Я гладила его рукой,
как гладят шубу или кошку.

Не составляло ничего
поднять его до идеала
и спрятать душу под него,
как голову под одеяло.

Но мой покой черствей рогож,
а тот, пуховый, я украла.

Но мой покой скорее схож
с покоем башенного крана
там, на границе пустыря.

Я понимаю, как устали
от крупноблочного сырья
его могучие суставы.

Он в самом деле впал в покой,
но у подножья — что такое?

Приказ:

НЕ СТОЙТЕ ПОД СТРЕЛОЙ! —

и в состоянии покоя.

МИКРОКЛИМАТ

У предгрозя несколько примет:
вдруг повеет тяжким, душным, банным.
Впрочем, можно жить самообманом,
что волнений не было и нет.

Крепкий мостик из дежурных фраз
над молчаньем нашим перекинут.
Или это просто микроклимат,
микроклимат в комнате у нас?

Ведь была удушливая тишь,
молния сверкала то и дело,
но гроза прошла и не задела
даже стул, которым ты скрипишь.

СОКОЛЬНИКИ

Я удивляюсь:
кто всё это съест?
Ты мне суешь пакеты,
я держу их.
Что за манера запирать подъезд?
Ну, господи, совсем как при буржуях.
А мы с тобою — пролетариат.
Нам не осилить кооператива.
Сокольники так весело блещут:
у нас с тобой недельная квартира.
Ее устроила моя родня.
Две тетушки.
Чем только ты пленял их?
Но именно тебя, а не меня
в подъезде узаконили:
племянник.
А ты сродни сокольникам¹ одним,
толк понимавшим в соколином деле.
Они жар-птиц ловили искони,
а сами ни полушки не имели.

---

¹ Сокольник — в Древней Руси придворный охотник, обучавший соколов.

Прекрасно ни волушки не имѣть
и жить в одном, в другом, в десятом домѣ.
Что лично наше?
Только эта еда,
добытая в дежурном «Гастрономе».
Давай за счастье выпьем.
Чок-нем-ся.
Чужую скатерть сразу я замою.
А соколов-то, мой любимый, полчища,
особенно в Сокольниках зимою.
Ты пахнешь, как охотники в лесу
наутро после дымного ночлега.
Мне кажется, я скоро понесу
не от тебя —
от пороха и снега.

СТАРАЯ РИГА

**В Старой Риге
история
входит в тебя понемногу.
Поначалу восторг:
витражи, черепица и шпилы.
Высоки эти башни —
антенны, подъятые к богу,
глубоки эти улицы,
точно в них смертных топили.
Тут висели когда-то
морозно-лиловые туши
и стояли торговцы
у лавок своих, подбоченясь.
Тут бродячий философ
натягивал шляпу на уши
и тряпицей закутывал
бледную зябкую челюсть.
А ливонские рыцари
на его предсказанья плевали,
а ливонские рыцари
шли, чертыхаясь, по Риге,
и какой-нибудь лавочник •
голосом, смоченным в сале,**

испускал им вослед
благодарные низкие крики.
А потом становилось на улицах
душно и жарко,
и на время обеда
лавчонка внизу
запиралась.
За спиною хозяина
пробегала с кулечком рижанка,
и в мясистую спину
презренья ее упиралось.
А философа
люди
боялись, жалели, кормили,
с изумлением слушали,
что пережить им придется...
Потому-то,
как пальцы философов,
подняты острые шпильки
и, как души торговцев,
задавлены камнем колодцы.

ЧЮРЛЕНИС¹

Запасаются альбомами Чюрлениса
и уходят вдоль газонов сплящих.
Заливает его чаем чаевница,
забывает на пляже купальщик.
В нем находят много спорного и странного.
(Что-то там искусствоведы накрутили!)
Им ответь, как на уроке иностранного
языка: а что мы видим на картине?
Как сваты, что вековуху сосватали,
судят вслух и про себя о нем двойко:
— Да, велик! Но что он бился над «Сонатами»,
не свихнулся ли на «Знаках зодиака»?
Ну, положим, философские искания,
но кому нужна условность эта?
Извините, даже живопись наскальная
никогда не отрывалась от предмета.
Дайте ключ всем сужающим и рядящим,
чтоб решать картины, как кроссворды.
Да, велик! Но жить с курортом рядышком
и не отразить его красóты...—

---

¹ Ч ю р л е н и с — выдающийся литовский художник и композитор.

У Чюрлениса того и в мыслях не было.
Рисовал он то дворцы, а то домишки.
А искомый ключ на дне родного Немана,
но его не разглядеть с купальной вышки.

Друскининкай

ТАЛАНТ

И. П. Погорелко

Хирург завоевал авторитет...
Пока коллеги за ухом чесали,
он, как вышагивает стих поэт,
выстаивал профессию часами.

Толпятся ординаторы за ним,
к нему воскресшие идут по стенке.
Разрез его всегда неоспорим,
и шов его не ждет переоценки.

Завидна мне раскрепощенность рук,
сутулость не конторщика — Атланта,
непререкаемость его заслуг,
безоговорочность его таланта.

А я устала от стихов на час:
то рвут из рук, а то не нужно даром.
Критерий где? Мы путаем подчас,
кто гений, кто способен, кто бездарен.

Хочу, чтоб был вещественным талант,
талант, а не удобная личина.
Чтоб, отработав, сбрасывать халат,
где каждое пятно красноречиво.

* * *

Коровы нет, но есть подоюник.
Работы нет, но есть надомник.
Сидит без дела на дому,
не угождая никому.
Он говорит, что всех вольнее,
что у него души веленье,
а не какой-то там «заказ»...
(И нечем уплатить за газ!)
Он говорит, что мастер, ибо
владеет тайною верлибра,
но обойден и одинок,
как Хлебников и как Ван-Гог...
Ах, бедный мастер, ах, простак!
Тут что-то все-таки не так,
в уме какое-то смещение:
ведь имя мастера священо,
и ныне, и во время оно
предметно, а не пустозвонно.
В средневековой тесноте
лишь мастер был на высоте.
В пожары, в караннины, в бойни
не пачкались его ладони.

Таились все, но без опаски
себя он предавал огласке —
у дома или на углу
портной вывешивал иглу,
гончар, который пальцы жег,
не свой волдырь, а свой горшок...
А ты что выбрал для эмблемы?
Чужие образы и темы?
Бумаги нервные полоски,
где все наметки, все наброски,
и авторучку без чернил?
Прохожий скажет: «Начудил!»
И у меня заказа нету.
Хожу, брожу по белу свету,
сравниюсь с речкою, с тропой,
с платформой, с улицей, с толпой.
И может быть, на этот раз
я получу от них заказ. ,

★ ★ ★

Портниха шьет по старым швам,
не верит собственным ушам,
когда ей говорят:

— Премило!

Но вы владеете иглой,
вам стыдно тешиться игрой,
перешивая то, что было.

Скажите, в чем же ваш талант?
Не в пуговке ли «Elegant»
на платье ветхого покроя?..
Талант блестящей бляхой стал,
талант мучительно устал
от этой пуговичной роли.

Но сила творчества не в том,
чтоб слыть нарядным пустяком
и быть ничем на самом деле.
Кроить от целого куска —
как это трудно, как близка
и как я далека от цели.

МОЕЙ БИБЛИОТЕКЕ

Я продаю свою библиотеку,
я в десять тридцать букиниста жду
оценщикам модерна на потеху,
утильщикам на зависть и вражду.
Неэстетично, если книг сверх меры:
их явно не вмещают стеллажи,
их не предполагают интерьеры,
так равнодушно вписанные в жизнь.
Прощай, Дюма!
Мы всей семьей решили,
что проживем без шпаги и плаща.
Прощай, Плутарх, Майн Рид и даже Шиллер,
тридцатитомник Диккенса, прощай.
Я оставляю только хлеб насущный,
тех, чья на мне навечная печать.
Всех прочих буду с миной равнодушной
в читальный зал похаживать читать.
До половины пройдены ступени,
а может быть, осталась только треть.
Мне не до вас, «Собрания сочинений»,
мне «Избранное» только бы успеть.
Но как расстаться с этими томами,
где ум и совесть, красота и жар?

Ненужных нет, бездарных нет меж вами.
Вы точно люди.
Вы — живой товар,
Шкафы томов! Я под дождями мокла,
чтобы подписку разрешили мне.
Прощайте вы, светящиеся окна
в пустой, в глухой, во внутренней стене.

ТАЛЛИН

Что знаем мы о крепостной стене?
Она молчит окаменелой книгой.
Ты руки вверх протягиваешь мне
и говоришь: ловлю, смелее прыгай!

И что за дело нам до праздных дыб?
Когда-то души правили на дыбе,
но если тут и светлый ум погиб,
так это же не мы с тобой погибли.

Монашенки, что честь свою блюли,
совместно с еретичками зарыты.
Как тихий парус, плавает вдали
разжалованный монастырь Бригитты'.

Осядет пыль веков на рукаве,
смахну ее, к свиданию готовясь.
Сам Старый Томас прячется в кафе,
да, Робин Гуд эстонский, Старый Томас.

Экскурсоводу платим по рублю,
чтоб потоптать могилу Дон-Жуана...
Все хорошо, раз я тебя люблю
нестрого, необдуманно, нежданно.

**Кощунствуем над прошлым мы с тобой,
но отпрыск наш нам отомстит, ей-богу,
и тоже приспособит под любовь
далекую от нежностей эпоху.**

ОЛЬГЕ БЕРГГОЛЬЦ

...не спетый над дочкой
напев колыбельный...

Вдруг спасет меня моя Аленушка?
Совесьть отчужденная моя.

О. Берггольц. «Узел»

Возьмите в дочки, Ольга Федоровна,
меня.

А то замучил стыд.

Я что-то слишком уж оторвана
от правды и от простоты.

Мне ваша искренность, как вылазка
в лес

подышать самой зимой.

Не с теми сказками я выросла,
ну а своя — еще за мной.

Как жить?

Как совесьть воспаленную
не разменять на внешний шик?

Я ставлю сказку про Аленушку
превыше опусов иных.

Пускай не дарит утешения,
но только бы вперед звала:

— Идем, родная. Цепь Кошечка

лишилась главного звена.
Идем нетоптанными травами,
леском, не знавшим топора.
Воды не бойся — не отравлена.
Не бойся ничего, сестра!..—
Чем сказки лживей, тем помпезнее.
А вы передадите мне
ту меру правды на земле,
которая сама Поэзия.

* * *

Нет кабинета у поэта.
Что за поэт без кабинета!
Однако я встаю чуть свет.
И, чистя зубы в общей ванной,
вдруг озаряюсь мыслью странной:
вот мой рабочий кабинет.

Потом в холодной пирожковой
я пью напиток порошковый,
раз кофе в кофеварке нет.
И с выражением овечьим
сизжу и думаю о вечном.
Вот мой рабочий кабинет.

Сажусь в троллейбус номер первый
и, чтобы успокоить нервы,
смотрю — счастливый ли билет?
И если да, то сколько новых
стихов шепчу меж остановок.
Вот мой рабочий кабинет.

**Все дело в том, чтоб не шептать их.
Все дело в том, чтоб написать их,
пока весь этот белый свет —
мой персональный кабинет.**

КНИЖНОСТЬ

Отец, вот два билета в клуб.
Там книголюбы выступают.
Ведь ты, я знаю, книголюб,
и мать тебе не уступает.
Линяют мамины меха,
и твой костюм немного вытерт.
Не нумерованы места,
садитесь, где вас не увидят.
А впрочем, это — сущий бред.
Я прибедняться ненавижу.
Входите в высший книжный свет,
садитесь где-нибудь поближе...
Отец, когда же ты читал?
Ломали. Строили. Рубились.
Ружье и шпалу сочетал
твой незаказанный экслибрис.
В свои преклонные лета
ты полон был одной заботой:
ты мне командовал: «читай»,
как говорил себе: «работай».
Читать запоем — благодать.
Но я краснела отчего-то,
когда, стараясь угадать,
мать путала Гюго и Гёте.

В кругу скептических подруг
как было мне не рассмеяться,
когда, читая книгу вслух,
ты засыпал в конце абзаца?..
Ну хоть теперь поговори
(уже не отмахнешься: «Не с кем!»)
об Ильфе, об Экзюпери,
о лавке Смирдина на Невском.
Ты видишь, здесь царит уют,
приходят, не чинясь, не пыжась.
Увы, сюда не забредут
на вид мне ставящие книжность,
твердящие в который раз,
что мысля книжными словами...
Отец, я расскажу о вас
и обо всех, кто рядом с вами,
кто тот же, в сущности, народ,
хоть думает об этом мало,
кому хватало всех работ,
а книжности недоставало.

ПАМЯТИ И. Г. ЭРЕНБУРГА

Хоронить учителей —
уж такая наша участь.
Ново-девичьих аллея
бесконечность и колючесть.
За стеной сторожевой
ни лица, ни рук не вижу.
Расступитесь! Он, живой,
подпускал меня поближе...
Как я мчалась впопыхах
летом, с дачи, издалёка,
как опаздывала, как
я себе кусала локти!
Лучше б скомкал мой приход,
пару общих тем затронув,
лучше бы, как соску в рот,
взял и сунул мне автограф.
Нет, о строчках говорил,
об эпитетах неверных,
точно в сонме всех светил,
в мире бесконечных герник,
в заключение всех дорог,
у последнего привала,

уточненных мною строк
так ему недоставало...
— Приходите!..—
Не судьба.
Не исправлю опоздания.
Но смотрю я на себя
именно его глазами.
Невозможны спесь и лень.
Нетерпимы ложь и поза.
А других учителей
заводить, пожалуй, поздно.

ГОСТИ

Гости!

Я вам наготовила
невозможные яства.
Как в лайковые перчатки,
по локоть лезла в муку.
Рабочий класс, раздевайся!
Разоблачайся, Крестьянство!
Скидывай, Интеллигенция,
пальто на рыбьем меху!
Мне что-нибудь незастольное
сказать вам сегодня хочется.
Знаете, что я думаю,
ночью ложась в постель?
Я думаю о болезни
«круглое одиночество»
и о тяжелом воздухе
в доме, где нет гостей.
Позволено все:
отплясывать
хоть липси, хоть буги-вуги,
выдергивать с полки книги
и на место не класть.
Не кисни, Интеллигенция!

Крестьянство, не прячься в углу!
Возьми на себя руководство,
мудрый Рабочий класс!
Можете тут высказывать
самые крайние мнения
о сущности антимира,
о щеточках для ресниц.
А мне предоставьте право
решать в уме уравнение,
равно ли количество вилок
числу приглашенных лиц.
Мы знаем давно друг друга:
со школы, с каникул, с практики,
мы вместе недавно брали
один и второй рубеж.
Крестьянство, пробуй сардины —
выловлены в Атлантике.
Рабочий класс, заправляйся.
Интеллигенция, ешь.

★ ★ ★

Весна была ранняя — ранняя осень.
Занозистый воздух утрами морозен.
Бульвары и площади выдуты ветром
с каким-то усердием невероятным.
Заправив холодные уши под шляпу,
я что-нибудь вдруг безнадежное лягну
о том, что стремилась,
о том, что устала,
что много мороки, а радости мало,
что были деревья, а стали опилки.
На туфли мои, на железные шпильки,
нанизаны листья, как в булочной чеки,
как с надписью «cito» рецепты в аптеке...
Но в ноздри шибает осенней порою
плохие сравненья, как йод с камфарою.
Неужто так рано, под первой же ношей,
согнуться, свернуться,
лета переросшей,
отправиться в путь, да с порога вернуться?
Абитуриенты на пенсию рвутся!
О, страсть к аналогиям, страсть к параллелям!
Одумались. Живы еще. Не болеем.
Спешу деловитой рысцой пешехода
недолгой попутчицей времени года.

ВЕРТОЛЕТ

Вертолет как мельница,
поднятая в небо.
Намели мне, мельница,
много-много снега,
кротости и смелости
выдай без задержки,
мельничной оседлости,
вертолетной спешки,
тяжести и легкости,
я не протестую,
чтоб вращались лопасти-
крылья не впустую.
Намели мне, мельница,
хорошей погоды,
медового месяца
на долгие годы,
друзей попокладистей,
врагов позубастей,
современных радостей,
старомодных счастлих.

ТРИПТИХ

Испугавшись в детстве разрыва
ручной гранаты, югославский кре-
стьянин Франьо Микулич 22 года
совершенно не спит.

Из газет

1

Когда я не могу уснуть,—
стихи, скитания, страдания,—
я подбираю для компании
неспящего кого-нибудь.
Мне все равно, кто сна лишен,
герой ли дня, службист ли тихонький.
Бесчинствую в карманном тиканье
часов, отпущенных на сон:
снимаю этажей пласты,
из дома в дом перекочевываю,
хоть двадцатипятисвечовую
ищу разрядку темноты.
Моя бессонница — мой гид
по лабиринтам переулочным.
Я не одна теперь.
С Микуlichem.
Микулич никогда не спит.

2

Вы не спали перед экзаменом,
ваши мысли пусты и зыбки.
Если вас попрекнут незнанием,
вы сошлетесь на недосыпки.
Человеческая природа:
в сонм бессонных не ждите доступа.
Двадцать лет и еще два года
человеком одним недоспано!..

Сумасшествие — так учить.
Ну а если не отличить
ни анода вам от катода,
ни Гомера от Гесиода?

Двадцать лет и еще два года.

И кусок вам в рот не идет.
«Лучше б выспался, идиот!»
Вас воротит от бутерброда.
Где-то есть питьевая сода.

Даадцать лет и еще два года.

Что ж вы стоя? Возьмите стул.
Кто гранату в него швырнул?
Что за воин? Какого взвода?

Двадцать лет и еще два года!

Понимаете — двадцать лет!
Он выхватывает билет,
на котором вопросы в столбик.
Два, и три, и четыре — сто их:
— Что читаете перед сном?
— Спите ли с открытым окном?
— Вам хорошие снятся сны?
— Не до сна? Поди, влюблены?
— После кофе заснете, а?
— Может, сном пройдет голова?..
Тут «счастливых» вопросов нет.
Ноль Микуличу за ответ.

3

Пока шагает он, как маятник,
ему сооружают памятник.
Не знаю, лепят или льют.
На постаменте — спящий люд,
прославший столько черных туч,
прославший гитлеровский путч.
А наверху,
как Вечный Жид,
Микулич.
Он полулежит.
Над ним занесена граната,
нет, не лимонка, а громада.
Назвать же все это должны
Бессонной Совестью Войны.

ГАВРИЛОВ ПОСАД

В сорок третьем, в мартовские дни,
выпала мне царская награда:
возвратились сверстники мои
из глуши Гаврилова Посада.
Молчаливо, громко, тяжело
топали по собственному дому.
— Посмотри. Погода. Повезло,—
вдруг на «о» один сказал другому.
Так он плотно вылепил слова,
буква «о» в них так согласно пела,
точно разом выкатились два
трехколесные велосипеда.
Посмотри... Погода... Повезло...
«О» назло обстрелам и фугаскам
полнилось, пузырилось, текло —
молоком гавриловопосадским.
Москвичи, евреи по отцу,
как они проникли в эту тайну,
в суздальскую, что ли, красоту?
Я не знаю, мудрствовать не стану.
Окали охотно, широко,
истово, солидно, домовито.

Окало оконное стекло,
окало округлое корыто.
До меня их говор долетал,
и я рыбкой прыгала с постели.
Ни семья, ни двор, ни Левитан
выправить дефекта не умели.
Логопеды потрясали «а»,
буквой «а»:
— Упрямыцы, вот как надо...—
Разражалась им в ответ Москва
хохотом Гаврилова Посада.

* * *

Молдавские поэты пьют вино
и, по ореху раздавив в ладонях,
решают, что поэзия —
вот дом их,
да, все-таки стихи, а не кино.
А все они кино отдали дань,
и каждый кинообъективом каждым
за дублем дубль снимал морскую даль,
не увлекаясь даже каботажем.
Феллини — о!
И Куросава — о!
Но плохо удаются пересадки.
И Куросаве снится Нагасаки,
а вовсе не молдавское село...
И вот бегут от спорных кинолент,
от фильмов не совсем пустопорожних,
поняв, что недействителен киношник,
когда он заблудившийся поэт.
Да, к тридцати положено прозреть,
а за прозреньем почему не выпить?
Так хочется постичь уменьше в и д е т ь,
когда постиг умение смотреть.

К тридцатилетию не дают наград,
да мастер и не жаждет восхваленья,
предпочитая чистый виноград
без всякого лукавого крепленья.
Все впереди — дерзание и труд.
Вино еще такое молодое,
что роз де масэ наравне с водою
не рюмками, а чайниками пьют.

★ ★ ★

В наш бурный век распад семьи
сродни материи распаду.
Подруги бедные мои,
вы всехватили каплю яду.
Никто уже не поражен,
что вы с разводом поспешили,
из брошенных мужей и жен
почти составились общины.
Всем придают особый вес
такого рода неудачи.
Пожалуй, внутренний процесс
судебного процесса кратче.
Распад семьи в наш бурный век!
Да, рыба ищет, где поглубже.
Чего же ищет человек,
когда пешком идет со службы?
В каком он хочет жить раю?
Кому пеняет: вы — мещане?
Какую горечь, боль свою
он на любимых вымещает?

БЕССОННИЦА

У моего отца бессонница,
он в кресле как ночная птица.
Я понимаю, что бессовестно
храпеть, когда ему не спится,
но ночь берет свое.
Отколотый
от спящих, он сидит, дежуря.
Над ним луна в масштабах комнаты —
зеленый круг от абажура.
Как долго сон его сторонится,
как тянется ночное бденье.
И это я — его бессонница,
мое прикрытое безделье.
И правда, мало в жизни сделано,
одни лишь планы, планы, планы.
Самостоятельность?
Но где она?
Не в сторублевке же зарплаты.
Почти ничем отца не радую
и часто нарушаю слово.
Но по утрам с отцовской правдою
до хрипа спорить я готова:
— Не отпевай. Я не покойница.

Все впереди. О человеке
иначе надо беспокоиться,
я не хочу твоей опеки.
Да, ваше время скороспелое,
а нам нужна иная зрелость...
Я называю черным белое,
ведь мне не то сказать хотелось.—
Но спор доказывает равенство
между отцом и мной,
как будто
не он, а я была изранена,
в опорки грязные обута,
как будто я несла воззвание:
«Смерть белой банде, красным слава!» —
и подо мною конь вызванивал
по улицам Бугуруслана...
Отцы, чьи прошлые ранения
все чаще колют нас укором,
меня пугает их смирение
перед пустым дочерним вздором.
Да осади меня насмешкою,
я защищаюсь очень глупо.
Но мой отец чего-то мешкает
и говорит немного глухо:
— Ты знаешь, у меня бессонница,
все ночью вижу в мрачном свете.
Давай не будем больше ссориться.
Отцы неправы, правы дети.

* * *

Проходит пора послушания, кори, школярства,
когда нам родители в ложке подносят лекарство,
когда их суровое «На! Не капризничай! Выпей!»
для нас пострашнее режима, и боли, и сыпи.

Проходит пора и условных свистков законных,
подглядываний и подслушиваний незаконных,
когда мы решаем с дружкой из соседнего класса:
— У наших родителей всяческих слабостей масса!

А в горле бурлит петушиное: «Чем я не гений?»
Подходит пора столкновений и собственных мнений.
«Как все надоело, уеду, ведь все уезжают,
пусть только родители — хватит уж — не провожают».

Я много скиталась. Не в поисках ли идеала?
Почти находила, потом почему-то теряла,
опять находила, и все начиналось сначала...
Но лучше родителей я никого не встречала.

ПОСЛЕ БОЛЕЗНИ

И отпустили меня с богом:
живи, твори, детей рожай!..
И вышла я из двери боком,
еще не веря и дрожа.
В огромный дом в новейшем стиле,
дом врачеванья и вранья,
входили люди и входили,
а выходила только я,
обалдевая, задыхаясь,
не чуя под собою ног.
Не подтвердился мой диагноз.
Ангел-хранитель мне помог!
И, от постельного режима
освободившись, в первый миг
я, сжавши зубы, порешила,
что напишу побольше книг.
А город предлагал мне с ходу
для облегчения души
за пиром пир, за модой моду:
«Спеши, голубушка, спеши...»
Но всем зарокам и морокам
я предпочла спокойный сон,

о потрясении жестоком
не вспоминаю с тех времен.
И лишь внутри остался слабый
испуг от этих передряг.
Согласна жить без всякой славы.
Согласна жить без всяких благ.

* * *

Я так теряла время, как
платки простительно терять.
Я думала о пустяках,
забыв про краткость бытия.

И среди глупой суеты
вдруг поняла в один из дней,
что мысли у меня пусты,
а руки и того пустей.

И я поймала время. Да,
я создала свой лучший стих.
Овещественные года —
пока не так уж много их.

«Уа», — кричал мой первый год,
немотствовал мой год второй,
картавил третий год, но вот
и пятый уж не за горой.

И если я не возьмещу
при жизни страшный свой расход,
я глазом дочку поищу
из тех немислимых высот

и утешение найду
в том, что она на свете есть,
что и в двухтысячном году
ей будет только тридцать шесть.

★ ★ ★

Дети спят, а взрослые не спят.
Два часа уйдут на разговоры.
Детские кроватки, как заборы,
отделяют взрослых от ребят.
Маленьких, конечно, задали
сказками, а то бы не легли.
Жердочки из дерева легки.
Господи, все видно в эти дыры:
как мы ходим, как мы говорим,
как мы обнимаемся семейно,
как несовременно, суеверно
перед сном глотаем аспирин...
Дети сну противятся нарочно:
им охота хоть одним глазком
посмотреть, как мы себя ведем
в нашей взрослой жизни полуночной.
Я не знаю, что им рассказать.
К детям я испытываю зависть.
Дети могут, перевоплощаясь,
птицами по жердочкам скакать.
Уронив в колени подбородок,
я сажу, тяжелая как слон.
Хорошо, нас разделяет сон —
лучшая из всех перегородок.

* * *

Ребенок мой еще не знает края.
По всем скамейкам радостно шагая,
при бдительной поддержке с двух сторон,
над пропастью заносит ногу он.

Балконный выступ для него, представьте,
не остров в угрожающем пространстве,
а на полу разложенный манеж.

Ребенок нос воротит от клубничин,
не ведая, что срок их ограничен.
Покуда им не видно края — ешь.

Он требует вниманья то и дело
и даже не предчувствует предела
тепла, всепонимания, забот.
В предельных днях бескрайно он живет.

Ему дана особенная тайна:
ах, как он улыбается бескрайно
при виде материнского лица.

День вечно бел, листочки вечно клейки,
и если нету края у скамейки,
так, значит, и у жизни нет конца.

СОДЕРЖАНИЕ

I

Глаза	7
«Вот семейный наш альбом...»	9
«Я все еще в птенцах неоперенных...»	11
Зимний дом отдыха	12
Профессор на пенсии	14
«В двадцатом веке нужно быть мужчиной...»	16
«Сети кругом развешаны...»	17
Красота	18
Баллада об одной комнате	19
Друзья отца	21
Автомобильный спорт	22
Междугородная	24
Ранние строки	25
Неразделенная любовь	27
«Ты теперь — как выход...»	28
Русалка у Мисхора	30
Женщина в космосе	31
«Семья — это дело вязальщиц...»	34
Гостиница	35
Дом	36
Покой	37
Микроклимат	38
Сокольники	39

II

Старая Рига	43
Чюрленис	45
Талант	47
«Коровы нет, но есть подойник...»	49
«Портниха шьет по старым швам...»	51
Моей библиотеке	52
Таллин	54
Ольге Берггольц	56
«Нет кабинета у поэта...»	58
Книжность	60
Памяти И. Г. Эренбурга	62
Гости	64
«Весна была ранняя — ранняя осень...»	66
Вертолет	67
Триптих	68
Гаврилов Посад	71
«Молдавские поэты пьют вино...»	73
«В наш бурный век распад семьи...»	75
Бессонница	76
«Проходит пора послушания, кори, школярства...»	78
После болезни	79
«Я так теряла время, как...»	81
«Дети спят, а взрослые не спят...»	83
«Ребенок мой еще не знает края...»	84

Жирмунская Тамара Александровна

ЗАБОТА

М., «Советский писатель», 1968, 88 стр.
Тем. план вып. 1968 г. № 158.

Редактор Е. С. Елисеев
Худож. редактор В. В. Медведев
Техн. редактор Т. С. Ступникова
Корректор М. А. Ойсгольт

Сдано в набор 28/XI 1967 г.
Подписано к печати 30/I 1968 г.
А 05317. Бумага 70×108¹/₃₂ № 1
Печ. л. 2³/₄ (3,85). Уч.-изд. л. 2,48
Тираж 20 000 экз. Заказ № 441 Цена 31 коп.

Издательство «Советский писатель»
Москва К-9, В. Гнездниковский пер., 10

Тульская типография Главполиграфпрома
Комитета по печати
при Совете Министров СССР
г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109

31 коп.

